

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.79.5> EDN: IJRNMA

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РОЛИ ДОПОЛНЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Летучая Е.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-4380-3941;

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (estpisma[at]mail.ru)

Предложена: 18.05.2026; Принята: 24.06.2026; Опубликовано: 09.07.2026

Аннотация

Статья посвящена анализу синтаксического статуса сложного дополнения степени в современном китайском языке — конструкции, выражающей интенсивность, результат или оценку действия и вводимой частицей 得. Рассматриваются две возможные модели синтаксического описания: трактовка сложного дополнения как единого члена предложения — дополнения — и как самостоятельной предикативной единицы. Автор обосновывает двойственный характер конструкции: на линейном уровне она функционирует как единый член предложения, на структурном — как сложное образование с внутренней организацией, включающее субъектно-предикативные конструкции, глагольно-объектные словосочетания или предложные группы. Проводится типологическое сопоставление с русским, английским, французским и тайским языками, демонстрирующее, что в китайском языке отсутствует отдельное наречие степени, а значение степени выражается через саму структуру с частицей 得. Частица 得 определяется как синтаксический маркер, не являющийся ни союзом, ни наречием степени, а служащий для введения постпозитивной конструкции, описывающей результат или степень действия.

Ключевые слова: китайский язык, сложное дополнение степени, частица 得, синтаксический статус, типологическое сравнение.

THE SYNTACTIC STATUS OF SUBJECT-PREDICATE CONSTRUCTIONS FUNCTIONING AS OBJECTS IN CHINESE

Research article

Letuchaya Y.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-4380-3941;

¹ Saint Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (estpisma[at]mail.ru)

Suggested: 18.05.2026; Accepted: 24.06.2026; Published: 09.07.2026

Abstract

The article analyses the syntactic status of the complex object of degree in modern Chinese — a construction that expresses the intensity, result or evaluation of an action and is introduced by the particle 得. Two possible models of syntactic description are examined: treating the complex object as a single constituent of the sentence — an object — and as an independent predicative unit. The author substantiates the dual nature of the construction: at the linear level, it functions as a single sentence member; at the structural level, it functions as a complex structure with an internal organisation, comprising subject-predicate constructions, verb-object phrases or prepositional phrases. A typological comparison is carried out with Russian, English, French and Thai, demonstrating that Chinese lacks a separate adverb of degree, and that the meaning of degree is expressed through the structure itself using the particle 得. The particle 得 is defined as a syntactic marker that is neither a conjunction nor an adverb of degree, but serves to introduce a postpositive construction describing the result or degree of an action.

Keywords: Chinese, complex adverbial of degree, 得 particle, syntactic status, typological comparison.

Введение

Сложное дополнение степени (程度补语 chéngdù bǔyǔ) — ключевой, но синтаксически неоднозначный элемент современного китайского языка. Под термином «сложное дополнение степени» в настоящей статье понимается конструкция, которая может обозначать как степень, так и результат действия; это широкое понимание соответствует традиции русскоязычной китаистики. Данная конструкция выражает интенсивность, результат или оценку действия/состояния и часто вводится частицей 得. Несмотря на давнюю историю изучения, вопрос о его точной синтаксической роли остаётся дискуссионным. Является ли оно единым членом предложения — дополнением — или

сложной конструкцией с внутренней структурой? Как соотносятся его компоненты глагол/прилагательное + 得 + экспликатор степени с другими членами предложения.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу сложного дополнения степени с целью определения его синтаксического статуса и выявления роли каждого компонента этой конструкции в рамках предложения.

Научный интерес китаистов к вопросу дополнительного элемента сохранялся на протяжении многих лет и проявлялся в большом количестве посвящённых ему исследований. Так, например, китайский исследователь Ли Цзиньцзи считал, что дополнительный элемент относится к числу самых популярных тем в грамматике современного китайского языка [5]. В 1943 году Ван Ли в работе «Грамматика современного китайского языка» (中国现代语法 zhōngguó xiàndài yǔfǎ) в рамках теории трёх рангов слов относил дополнительные элементы к третьему разряду [6]. Люй Шусян и Чжу Дэси в работе «Беседы о грамматической стилистике» (语法修辞讲话 Yǔfǎ xiūcí jiǎnghuà) полагают, что дополнительный элемент — это дополнение/аддитивная структура (附加语 Fùjiā yǔ) к глаголам и прилагательным [7]. В работе 1956 года «Грамматика и преподавание грамматики» (语法和语法教学 Yǔfǎ hé yǔfǎ jiàoxué) авторы определяют дополнительный элемент как дополнительный компонент, присоединяемый к глаголу или прилагательному. Этот компонент отвечает на вопросы «каким образом?», «сколько?», «как долго?» и указывает на результат, длительность, степень действия и т. д. В качестве дополнительных элементов главным образом выступают прилагательные, глаголы, сочетания числительных со счетными словами, некоторые местоимения, которые помещаются после глаголов и прилагательных. Перед дополнительными элементами часто употребляется структурная частица 得 [8]. В 1961 году Дин Шэншу и др. в работе «Беседы о грамматике современного китайского языка» (现代汉语语法讲话 Xiàndài hànyǔ yǔfǎ jiǎnghuà) вместо термина 后附加语 Hòu fùjiā yǔ постпозиционное определение употребили термин 补语 bǔyǔ — дополнительный член предложения/дополнительный элемент [9]. С 1950 по 1965 гг. появились работы, посвященные изучению различий и сходств дополнительного элемента и обстоятельства, анализу компонентов дополнительных элементов, противоречивому вопросу анализа субъектно-предикативных конструкций, присоединяемых с помощью 得 [1, С. 2]. Согласно Е.И. Шутовой, дополнительный элемент является сложным дополнением в составе сложноподчинённого предложения, где формирование сложноподчинённого предложения связано с усложнением внутреннего строения второстепенных членов предложения — определения, дополнения, обособленного дополнения, ситуативного обособленного обстоятельства [4, С. 343]. Из представленных Е.И. Шутовой двух типов дополнения 1-й и 2-й степени, сложное дополнение 2-й степени — это дополнение результативно-оценочного способа действия (в данной работе мы будем называть его сложным дополнением степени), присоединяемое к глагольной основе посредством частицы 得.

В современной учебной литературе представлены примеры сложного дополнения степени, которые могут выражаться глагольно-объектными словосочетаниями, субъектно-предикативными конструкциями, предложными группами и другими структурами [10, С. 59]. Необходимо выяснить, какова синтаксическая структура предложения со сложным дополнением степени и какими членами предложения являются составляющие его элементы. Рассмотрим пример предложения, представленный в качестве образца употребления сложного дополнения в предложении:

(1) 孩子吵得我不能睡觉。 Háizǐ chǎo de wǒ bù néng shuìjiào ‘Дети так шумели, что я не мог спать’ (букв. Дети шуметь 得 я не могу спать), где 孩子 háizǐ ‘ребенок’ — S (subject) — подлежащее, выраженное существительным; 吵 chǎo ‘шуметь, кричать’ — P (predicat) — сказуемое, выраженное односложным глаголом; 得 de ‘глагольный суффикс’; 我不能睡觉 wǒ bù néng shuìjiào ‘я не могу спать’ — сложное дополнение результативно-оценочного способа действия, выраженное субъектно-предикативной конструкцией (присоединение посредством частицы 得) [4, С. 343]. То есть S (subject) выполняет действие P (predicat). Что касается сложного дополнения, то согласно определению сложное дополнение отвечает на вопросы «как?», «каким образом?», «как долго?», «сколько?» и т. д., занимает место после частицы 得. В данном примере сложное дополнение представлено субъектно-предикативной конструкцией. Эта конструкция 我不能睡觉 сама по себе является отдельным предложением и включает в себя отдельную грамматическую основу, где: 我 wǒ ‘я’ — S (subject) — подлежащее, выраженное личным местоимением; 不能睡觉 bù néng shuìjiào ‘не могу спать’ — P (predicat) — составное сказуемое, которое состоит из модального глагола и смыслового глагола с отрицанием.

Несмотря на то, что 我不能睡觉 структурно является полноценным предложением (主语结构 zhǔyǔ jiégòu), в рамках данной конструкции с 得 оно утрачивает статус самостоятельной единицы, теряет интонационную и смысловую независимость и начинает выполнять функцию одного члена предложения — а именно: сложного дополнения степени, отвечающего на вопросы «как?», «каким образом?», «до какой степени?». Иными словами, полноценное предложение (имеющее подлежащее и сказуемое) выступает как второстепенный член в составе главного предложения, уточняя действие, обозначенное глаголом 吵.

Однако, признавая эту синтаксическую роль, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: чем же является данная субъектно-предикативная конструкция с формальной точки зрения — второстепенным членом предложения в составе простого предложения с одной основой или же она сохраняет статус отдельной грамматической основы, превращая всю конструкцию в сложное предложение, объединяющее две предикативные единицы?

Основные результаты и обсуждение

Если предположить, что субъектно-предикативная конструкция является второстепенным членом предложения в составе простого предложения с одной основой, то схема предложения, вероятно, будет выглядеть так:

Схема 1: S (孩子) P (吵) + 得 + O (我不能睡觉) = S P O

Если же предположить, что субъектно-предикативная конструкция является простым предложением в составе сложного и имеет отдельную основу, то схема предложения, вероятно, будет выглядеть так:

Схема 2: S₁ (孩子) P₁ (吵) + 得 + S₂ (我) P₂ (不能睡觉) = (S₁ P₁) 得 (S₂ P₂)

Обе схемы описывают разные уровни: схема 2 — семантическую структуру (две основы), схема SPO — линейную (одно дополнение). Сложное дополнение степени двойственно по своей природе: синтаксически целостно, семантически сложно. Определим функциональную роль частицы 得 в обеих синтаксических моделях. Согласно схеме 1 S P O: 得 относится к глаголу 吵 и усиливает его значение, указывая на степень шума, вместе с придаточным предложением «что я не мог спать», образует конструкцию «так..., что». Аналогичные конструкции, передающие значение «так ..., что», существуют и в других языках: русском (так..., что), английском (so... that), французском (tellement... que) и тайском (...มาก...จน...). Во всех этих случаях наречие степени (так, so, tellement, มาก) примыкает к глаголу или прилагательному и вводит придаточное предложение, описывающее результат действия или степени:

(2) Рус: Они так шумят, что я не могу спать.

(3) Eng: They are so noisy that I cannot sleep (букв. Они такие шумные, что я не могу спать).

(4) Fr: Ils font tellement de bruit que je ne peux pas dormir (букв. Они делают так много шума, что я не могу спать).

(5) Thai: พวกเขา ดังมาก จน ฉัน นอนไม่หลับ. Phûak-khăo dang mâak jon chăn norn mâi lùap (букв. Они шумят очень, так что я спать не получается).

Конструкция «глагол + 得 + сложное дополнение результата/степени» функционально соответствует русскому обороту «так..., что», английскому «so... that», французскому «tellement... que» и тайскому «...มาก...จน». Однако между ними есть важное структурное различие: в русском, английском, французском и тайском языках присутствует отдельное наречие степени (так, so, tellement, มาก), которое в русском, английском и французском языках тяготеет к позиции перед глаголом/прилагательным, а в тайском всегда находится после него. В китайском языке отдельное наречие степени в этой конструкции отсутствует; значение степени выражается структурой «глагол + 得 + сложное дополнение результата/степени», где сложное дополнение указывает на результат, а степень действия определяется их взаимосвязью.

Сходную функцию выражения результата или сопутствующего обстоятельства в английском языке может выполнять и инфинитив в роли определения. Как отмечается в лингвистической литературе, в английском языке инфинитив, являясь неличной формой глагола, обладает множеством синтаксических функций в предложении. Инфинитив может выступать в функции как главных, так и второстепенных членов. Одной из разновидностей функции второстепенного члена предложения в английском языке является функция определения, которая прослеживается в следующих примерах:

(6) ...he was such a nice man to talk to. ... 'с ним было так приятно общаться' (букв. Он был таким приятным человеком, чтобы поговорить с ним).

(7) He's always the first to help. 'Он всегда первый, кто помогает' (букв. Он всегда первый, чтобы помочь).

(8) They would always come into the kitchen looking for something to eat. 'Они вечно заходили на кухню в поисках чего-нибудь поесть' (букв. ... заходя в поисках чего-то, чтобы съесть) [3, С. 267]. В этих случаях инфинитив (to talk to, to help, to eat) указывает на предназначение, результат или обстоятельство, сопутствующее действию, что семантически сближает его с китайской конструкцией с 得, где постпозитивная часть также раскрывает результат или степень действия.

Синтаксическая роль субъектно-предикативной конструкции 我不能睡觉 из примера (1) после глагола 吵 классифицируется как: дополнение степени, присоединяемое через частицу 得 к глаголу 吵, так как отвечает на вопрос «с каким результатом?» (Кондрашевский / Румянцева / Фролова 2017, 324-325): 孩子吵得 (как?) 我不能睡觉。 Дети шумели (как? С каким результатом?) я не мог спать. То же и в предложениях русского, английского, французского и тайского языков.

В противовес этому, если трактовать субъектно-предикативную конструкцию как самостоятельную предикативную единицу, сохраняющую свою грамматическую основу, то возникает вопрос: чем в таком случае является частица 得, связывающая две основы? Схематически эту гипотезу можно представить как (S₁ P₁) 得 (S₂ P₂). Далее необходимо сравнить эту модель с альтернативной — схемой SPO, где та же конструкция трактуется как единый член предложения.

Занимая позицию между двумя грамматическими основами, 得 можно было бы интерпретировать как подчинительный союз. Однако в китайском языке существуют более употребительные аналоги для выражения подчинительной связи, такие как 所以, 因此, 因而 и другие [11]. Если же предположить, что 得 относится к глаголу-сказуемому P₁, представив структуру как (S₁ P₁ 得) (S₂ P₂) — 孩子吵得, 我不能睡觉, — то такое предложение окажется грамматически некорректным, поскольку первая часть 孩子吵得 будет иметь неполную основу и требовать обязательного дополнения.

Предположим, что 得 выполняет функцию соединительного союза «чтобы» с последующим инфинитивом, который используется для выражения степени и результата, подобно тому, как это может быть реализовано в русском, английском, французском и тайском языках:

(2.1) Рус.: Они слишком шумные, чтобы спать.

(3.1) Англ.: They are too noisy to sleep (букв. Они слишком шумные, чтобы спать).

(4.1) Фр.: Ils sont trop bruyants pour dormir (букв. Они слишком шумные, чтобы спать).

(5.1) Тайск.: พวกเขาเสียงดังเกินไป ที่จะนอน. Phûak-khǎo sǎng dang koern brai thîi chà norn. (букв. Они шумные слишком, чтобы спать).

Однако в китайском языке аналогичная мысль выражается иначе:

(1.1) Кит.: 他们太吵了, 没法睡。 Tāmen tài chǎo le, méifǎ shuì ‘Они слишком шумные, нет способа спать’.

Конструкция «没法 + глагол» буквально означает «нет способа [сделать что-либо]» и в данном случае выполняет функцию, аналогичную инфинитиву в других языках, указывая на невозможность действия. Употребление 得 в такой конструкции было бы грамматически неуместным, поскольку 得 не является союзом со значением цели, а выполняет иную синтаксическую функцию — оформляет сложное дополнение степени при глаголе.

Таким образом, в русском, английском, французском и тайском языках значение цели или невозможности действия, вытекающее из чрезмерности качества, передаётся с помощью инфинитива (спать, to sleep, dormir, 睡觉), который присоединяется к прилагательному посредством специализированных союзов или предлогов (чтобы, to, pour, ที่จะ). В китайском языке, где инфинитив как грамматическая категория отсутствует, эта функция может быть реализована, например, через глагольно-объектное словосочетание «没法 + глагол», что соответствует общей типологической особенности китайского языка — передаче модальных и целевых отношений лексическими, а не морфологическими средствами [11].

На основании проведённого анализа можно заключить, что 得 выполняет функцию синтаксического маркера, который присоединяется к глаголу или прилагательному и обязательно требует после себя дополнения степени или результата. В отличие от аспектуальных суффиксов 了, 着, 过, частица 得 не выражает грамматическое значение вида, а служит для введения постпозитивной конструкции, описывающей степень, результат или сопутствующее обстоятельство действия. В связи с этим схема 2 (где 得 рассматривается как отдельный служебный элемент) не может считаться корректной интерпретацией структуры предложения, поскольку 得 не обладает самостоятельной знаменательной функцией вне связи с глаголом. В качестве рабочей принимается схема SPO, в которой позицию O (object) занимает субъектно-предикативная конструкция 我不能睡觉, которая является единым членом предложения — дополнением в линейной структуре.

Однако степень действия в китайском языке может быть выражена и без использования 得, сравним:

(6) 大风吹得我们眼睛都睁不开了。 Dàfēng chuī dé wǒmen yǎnjīng dōu zhēng bù kāi le ‘Ветер дул так сильно, что мы совсем не могли открыть глаза’ (букв. Ветер дуть 得 мы глаза даже открыть не могли) [10, С. 59] — конструкция с 得 (吹得).

(6.1) 大风吹尘, 我们眼睛都睁不开了 Dàfēng chuīchén, wǒmen yǎnjīng dōu zhēng bù kāi le ‘Ветер поднял / сдувал пыль, и (поэтому) мы не могли открыть глаза’ (букв. Ветер дуть пыль, мы глаза даже открыть не могли) [12] — конструкция без 得, где глагольно-объектное словосочетание 吹尘 замещает позицию дополнения степени, а значение степени передаётся придаточным предложением следствия.

В подтверждение сказанного обратимся к примеру, где в качестве сказуемого выступает прилагательное.

(7) 他今天忙得忘了吃饭 Tā jīntiān máng dé wàng le chīfàn ‘Он сегодня был так занят, что забыл поесть’ (букв. Он сегодня занят 得 забыл поесть) [10, С. 59].

Если прилагательное + 得 (忙得) заменить на глагольно-объектное словосочетание ‘忙工作’, получаем:

(7.1) 他今天忙工作, 忘了吃饭 Tā jīntiān máng gōngzuò, wàng le chīfàn ‘Он сегодня был занят работой и (поэтому) забыл поесть’ (букв. Он сегодня занят работой, забыл есть) [10, С. 59].

В бессоюзном варианте причинно-следственная связь выражена менее отчётливо. Для её эксплицитного маркирования можно ввести подчинительный союз 所以:

(7.2) 他今天忙工作, 所以忘了吃饭。 Tā jīntiān máng gōngzuò, suǒyǐ wàng le chīfàn ‘Он сегодня был занят работой, поэтому забыл поесть’.

Таким образом, степень действия глагола может быть выражена двумя способами:

1. с помощью сложноподчинённой структуры, где причинно-следственная связь оформляется грамматически (союзной связью между главной и зависимой частями);

2. с помощью сложного дополнения степени, вводимого частицей 得.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: какова же функция 得, если степень и результат действия могут быть переданы и иными средствами?

Дело в том, что китайский язык, будучи языком изолирующего типа и обладая такими характерными особенностями, как отсутствие согласования и словоизменения, в своём развитии тяготеет к аналитическим формам

выражения. Использование частицы 得 для выражения степени и результата действия глагола — это яркое проявление аналитического характера синтаксиса современного китайского языка. В отличие от громоздких придаточных следствия с союзами, конструкция с 得 более компактна, обладает большей перцептивной лёгкостью и активнее используется в разговорной речи.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что проведённый анализ позволяет снять кажущееся противоречие в определении синтаксической природы сложного дополнения степени (程度补语 chéngdù bǔyǔ). Его двойственная природа обусловлена различными уровнями синтаксического анализа. На линейном уровне оно функционирует как единый, целостный член предложения — дополнение, занимающее постпозицию по отношению к глаголу или прилагательному и отвечающее на вопросы результата, меры или степени действия. На уровне внутренней организации данная конструкция представляет собой сложное образование, включающее глагольно-объектные словосочетания, субъектно-предикативные конструкции или предложные группы. Частица 得 в этой модели выполняет роль синтаксического маркера: с одной стороны, она замыкает связь с предшествующим глаголом (подобно суффиксу), с другой — открывает позицию для развёрнутого комментария, описывающего степень или результат. Таким образом, сложное дополнение степени следует рассматривать как синтаксическую единицу с функциональной целостностью на внешнем уровне и структурной сложностью на внутреннем.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Дубровская К.Э. Дополнительный элемент в китайском языке: история исследований в рамках китайской синологической традиции / К.Э. Дубровская // Российский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 5 (33). — С. 1–10. — DOI: 10.18454/RULB.2022.33.11.
2. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка : в 2 т. / А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева, М.Г. Фролова; под ред. А.Ф. Кондрашевского. — Москва : ВКН, 2017. — 11-е изд., испр. — Т. 1. — 766 с.
3. Прийма Т.И. К вопросу о синтаксических заимствованиях методом калькирования / Т.И. Прийма // Герценовские чтения. Иностранные языки : сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. — С. 267–270. — EDN DWSTLO.
4. Шутова Е.И. Синтаксис современного китайского языка / Е.И. Шутова. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 391 с.
5. 黎锦熙. 新著国语文法 / 黎锦熙. — 长沙 : 湖南教育出版社, 2007. — 374 页.
6. 王力. 中國現代語法 / 王力. — 北京 : 中華書局, 2014. — 464 頁.
7. 吕叔湘. 语法修辞讲话 / 吕叔湘, 朱德熙. — 沈阳 : 辽宁教育出版社, 2005. — 366 页.
8. 张志公. 语法和语法教学 / 张志公, 王力. — 北京 : 人民教育出版社, 1956. — 324 页.
9. 丁声树. 现代汉语语法讲话 / 丁声树. — 北京 : 商务印书馆, 1961. — 228 页.
10. 邱军. 成功之路 / 邱军, 张辉. — 北京 : 北京语言大学出版社, 2008. — 175 页.
11. 黄伯荣. 现代汉语 (增订本) / 黄伯荣, 廖序东. — 北京 : 高等教育出版社, 2017. — 273 页.
12. Корпус китайского языка Центра китайской лингвистики Пекинского университета (CCL). — URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (дата обращения: 04.01.2026).
13. Большой китайско-русский словарь. — 2017. — URL: <http://bkrs.info> (дата обращения: 18.01.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dubrovskaya K.E. Dopolnitel'nyj jelement v kitajskom jazyke: istorija issledovanij v ramkah kitajskoj sinologicheskoj tradicii [The Additional Element in Chinese: the History of Research in the Chinese Sinological Tradition] / K.E. Dubrovskaya // Rossijskij lingvisticheskiy bjulleten' [Russian Linguistic Bulletin]. — 2022. — № 5 (33). — P. 1–10. — DOI: 10.18454/RULB.2022.33.11. [in Russian]
2. Kondrashevsky A.F. Praktičeskij kurs kitajskogo jazyka [Practical Course of the Chinese Language] : in 2 vol. / A.F. Kondrashevsky, M.V. Rumyantseva, M.G. Frolova; edited by A.F. Kondrashevsky. — Moscow : VKN Publishing House, 2017. — 11th edition, revised. — Vol. 1. — 766 p. [in Russian]
3. Prijma T.I. K voprosu o sintaksicheskix zaimstvovanijah metodom kal'kirovanija [On the Issue of Syntactic Calques] / T.I. Prijma // Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki : sbornik nauchnyh trudov [Herzen Readings. Foreign Languages : Collection of Scientific Papers]. — Saint Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia, 2020. — P. 267–270. — EDN DWSTLO. [in Russian]

4. Shutova E.I. Sintaksis sovremennogo kitajskogo jazyka [Syntax of Modern Chinese] / E.I. Shutova. — Moscow : Nauka. Main Editorial Office for Oriental Literature, 1991. — 391 p. [in Russian]
5. Li J. Xīnzhù guóyǔ wénfǎ [New Mandarin Grammar] / J. Li. — Changsha : Hunan Education Press, 2007. — 374 p. [in Chinese]
6. Wang L. Zhōngguó xiàndài yǔfǎ [Modern Chinese Grammar] / L. Wang. — Beijing : Zhonghua Bookstore, 2014. — 464 p. [in Chinese]
7. Lü Sh. Yǔfǎ xiūcí jiǎnghuà [Lectures on Grammar and Rhetoric] / Sh. Lü, D. Zhu. — Shenyang : Liaoning Education Press, 2005. — 366 p. [in Chinese]
8. Zhang Zh. Yǔfǎ hé yǔfǎ jiàoxué [Grammar and Grammar Teaching] / Zh. Zhang, L. Wang. — Beijing : People's Education Press, 1956. — 324 p. [in Chinese]
9. Ding Sh. Xiàndài hànyǔ yǔfǎ jiǎnghuà [Lectures on Modern Chinese Grammar] / Sh. Ding. — Beijing : Commercial Press, 1961. — 228 p. [in Chinese]
10. Qiu J. Chénggōng zhī lù [Road to Success] / J. Qiu, H. Zhang. — Beijing : Beijing Language and Culture University Press, 2008. — 175 p. [in Chinese]
11. Huang B. Xiàndài Hànyǔ (zēngdìng běn) [Modern Chinese (Revised and Enlarged Edition)] / B. Huang, X. Liao. — Beijing : Higher Education Press, 2017. — 273 p. [in Chinese]
12. Korpus kitajskogo jazyka Centra kitajskoj lingvistiki Pekinskogo universiteta (CCL) [CCL Corpus (Center for Chinese Linguistics, Peking University)]. — URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (accessed: 04.01.2026). [in Russian]
13. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [Big Chinese-Russian Dictionary]. — 2017. — URL: <http://bkrs.info> (accessed: 18.01.2026). [in Russian]